

Малькова Я. В. Пространственные образы в обозначениях чувства отвращения, неприятия (на материале лексики русских народных говоров) / Я. В. Малькова // Научный диалог. — 2018. — № 12. — С. 119—132. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-119-132.

Malkova, Ya. V. (2018). Spatial Images in Nominations of Feelings of Disgust and Rejection (on Material of Russian Dialect Lexis). *Nauchnyy dialog*, 12: 119-132. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-119-132. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 811.161.1'37

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-119-132

Пространственные образы в обозначениях чувства отвращения, неприятия (на материале лексики русских народных говоров)¹

© Малькова Яна Владимировна (2018), orcid.org/0000-0003-3511-0878, лаборант-исследователь топонимической лаборатории кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), yana-malkova@list.ru.

Представлены результаты анализа мотивационных моделей, лежащих в основе русской диалектной и общенародной лексики и фразеологии со значением чувства отвращения, неприятия. Отобраны те лексические единицы, которые базируются на пространственных образах. В ходе исследования производится семантико-мотивационная реконструкция лексем и фразеологизмов и этнолингвистическая интерпретация полученных результатов. Автор показывает, что чувство отвращения, неприятия, по данным языка, возникает и протекает в определенных органах человеческого тела. Чаще всего местом сосредоточения исследуемых состояний становятся *сердце* и *душа*, которые в наивной анатомии сближаются с пищеварительными органами. Участники прототипической ситуации неприятия тоже вписываются в пространственные координаты. Концептуализация понятийных смыслов происходит с учетом аксиологической разметки пространства, существующей в культуре. Магистральными мотивами являются идея отдаления от объекта неприятия (носитель языка использует смыслы 'отвернуться', 'отстраниться', 'пройти мимо') и идея прерывания любого вида контакта с ним (зрительного, тактильного). Утверждается, что символические пространственные образы несут идею конфликтности, несхожести субъекта и объекта чувствований. Автор статьи уделяет внимание интерпретации языковых данных с точки зрения представлений о социальных отношениях в тради-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта 34.2316.2017/ПЧ «Волго-Двинское между-речье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным», поддержанного Минобрнауки РФ.

ционном обществе. Проводится реконструкция прототипической ситуации чувства отвращения и неприятия.

Ключевые слова: русская диалектная лексика; мотивология; русская языковая картина мира; лексика эмоций; народная аксиология; пространственный код.

1. Вводные замечания

Эмоциональная сфера является принадлежностью внутреннего мира человека, но при этом чувства и эмоции нередко имеют внешний источник, поэтому получают осмысление через посредство представлений о пространстве. Ряд лексических и фразеологических диалектных единиц русского языка со значением неприятия, отвращения имеют внутреннюю форму, отсылающую к пространственным категориям и отношениям. Пространственные образы значимы для исследуемого семантического множества в нескольких аспектах.

Во-первых, в наивном сознании символическую роль центра духовной и эмоциональной жизни могут принимать на себя те или иные органы человеческого тела, что неоднократно отмечалось исследователями, см. об этом: [Березович и др., 2012, с. 18; Березович и др., 2017, с. 231—239; Зализняк, 2013, с. 57—59; Кондратьева, 2014, с. 21—24] и др. Чувство отвращения и неприятия также может осмысляться с участием соматических образов.

Во-вторых, пространство представляет собой одну из фундаментальных категорий, которая регулярно выступает в качестве источника для концептуализации абстрактных понятий и их языкового обозначения. Здесь можно говорить о нескольких причинах. Во-первых, жизнь человека проходит в пространственных координатах, организуется и определяется ими. С другой стороны, существует культурный фонд представлений о категории места. Участие пространственных образов при характеристике эмоциональных состояний и оценок было также освещено рядом исследователей, ср. [Балашова, 2014, с. 157—163; Булыгина и др., 2000; Дронова, 2007; Ермакова, 2000, с. 295—296] и др.

Пространственный код в рамках изучаемого материала представлен лексическими и фразеологическими единицами, которые мотивированы наименованиями локусов сосредоточения названных ощущений, физических положений и перемещений.

2. Локусы сосредоточения чувства отвращения, неприятия

Изучение роли пространственных образов при формировании исследуемой семантики мы начнем с рассмотрения локусов, в которых, согласно народным представлениям, возникают чувства отвращения, неприятия.

Данные ощущения не всегда изображаются как собственно принадлежность психоэмоциональной сферы человеческой жизни. Согласно языковым данным, они часто оказываются локализованными в определенных органах.

Для данной группы лексики характерно тесное переплетение пространственного и соматического кодов¹. Поясним, в каких случаях, согласно нашей точке зрения, наименования частей тела могут рассматриваться в данном исследовании. Соматизм оказывается значим, во-первых, если орган, который им называется, мыслится как место возникновения и протекания эмоции; во-вторых, если фразеологизм, одним из компонентов которого выступает обозначение той или иной части тела, имеет в своем составе пространственные маркеры (предлоги или слова соответствующей лексико-семантической группы).

Как показывают диалектные языковые факты, чувство неприятия может находиться в душе, которая является условным, вымышленным органом, существующим лишь в наивной анатомии. Как правило, *душа* выступает органом любви, поэтому чувство отвращения к чему-либо вызывает ее отдаление, ср. простореч. *душу ворóтит* ‘о том, что вызывает отвращение’ [БСРП, с. 215], влад. *опрі́чь ду́ши єсть* ‘есть пищу без аппетита, без желания, с отвращением’ [СРНГ, т. 23, с. 298].

Аналогично представлено в языке сердце, которое традиционно осмысливается как орган симпатии, привязанности. Неприятие же оказывается чувством, которое противно *сердцу*: нижегор. *сёрдце не пристáнет к кому* ‘о неприятном человеке’ [БСРП, с. 607].

Неоднократно отмечалась характерная для наивной анатомии связь души и сердца с пищеварительной системой, см. об этом подробнее: [Кабакова, 2015, с. 334—349; Кабакова, 2016, с. 516—517; Ушинскене, 2012, с. 101]. Для исследуемого семантического пространства это сближение также значимо, ср. предикаты в дон. *с ду́ши рвать кого-л. тянет* ‘о ком-, чем-л. неприятном, о том, кто или что сильно не нравится’ [СРНГ, т. 34, с. 357], новосиб. *сёрдце не перевáривает* ‘о чувстве отвращения, неприязни’ [СРНГ, т. 37, с. 192]. Исследователи указывают на принципиальный параллелизм обозначений сердца, души и органов пищеварения при номинации эмоциональных состояний: «Поскольку сердце и душа оказываются участниками пищеварительного процесса на разных его этапах, то и органы пищеварения во фразеологии в свою очередь регулярно берут

1 Например, Л. В. Балашова указывает на возможность пересечения пространственной и натуралистической метафорических макросистем, объясняя это универсальными свойствами полевых структур [Балашова, 2014, с. 112—113].

на себя роль духовного, нравственного или чувственного начала» [Кабанова, 2015, с. 348]. Однако, как кажется, для исследуемой семантики такая подмена симптоматична, потому как отвращение является подчеркнуто физиологическим ощущением.

Особенно подчеркнем, что в языке органы, которые являются вместилищами чувства отвращения, приобретают измерения¹. В этой группе фразеологии мы встречаем большое число пространственных предлогов. Так, чувство отвращения возникает *на поверхности сердца*: печор. *зассыкаёт на сёрдце у кого* 'о неприятном ощущении, состоянии, которое вызывает тошноту' [БСРП, с. 606]. Объект неприятия оказывает деструктивное воздействие на внутренние органы человека, проникая в самый центр организма: олон. *сквозь сердце это кому-л.* 'о чем-л. неприятном, тягостном для кого-л.' [СРНГ, т. 37, с. 192]. Нежелание контактировать с чем-либо, негативное отношение к чему-либо побуждает отдалить объект неприятия от себя, буквально «удалить», «снять» с «поверхности» души: простореч. *с души воротит* 'о состоянии крайнего отвращения, неприятии чего-л.' [БСРП, с. 214], ленингр., сиб. *с души прёт кого* 'о чём-л. отвратительном по запаху и внешнему виду' [Там же].

При обозначении неприятия языком могут маркироваться глаза, например, прикам. *не принимáть на глаза́ кого*, что 'испытывать сильную неприязнь к кому-л., отвращение к чему-л.' [Там же, с. 124]. Как показывает внутренняя форма данного фразеологизма, с помощью глаз происходит первичное восприятие, формируется эмоциональное отношение. Отметим, что глаза являются реальным органом перцепции, однако для нас показательно, что в языке с помощью предлога *на* вводятся пространственные координаты: глаза представлены как некая «плоскость», на которой «базируется» чувство отвращения.

Можно было бы предположить, что в выражениях типа волг. перм. *нос на сторону у кого* 'кому-л. неприятно, не нравится что-л.' [Там же, с. 449] маркируются также непосредственные органы перцепции, в которых возникает чувство отвращения, неприятия. Однако стоит обратить внимание на семантико-мотивационные параллели² этого фразеологизма:

- 1 Подобные особенности представления в языке сердца и души характерны не только для рассматриваемого семантического пространства. Так, Е. Л. Березович отмечает существование у этих «органов» объемов и измерений при характеристике их связей с чувствами и интуитивными ощущениями [Березович, 2016, с. 181].
- 2 Термин Е. Л. Березович; семантико-мотивационные параллели понимаются как ряды языковых фактов, которые показывают аналогичные модели смыслового развития слов, «в рамках которых воспроизводится как собственно переход значения, так и его мотивация» [Березович, 2014, с. 13].

перм. *вороти́ть губу́* ‘высказывать отвращение, недовольство чем-л.’ [Там же, с. 168], простореч. *ду́шу воро́тит* ‘о том, что вызывает отвращение’ [Там же, с. 215]. В представленных языковых фактах смысловой акцент находится на идее отдаления от объекта неприятия. Значение же такого физического движения, как поворот, для данного семантического поля, будет рассмотрено в следующем параграфе.

3. Физические положения и перемещения как источник наименований чувства отвращения, неприятия

Пространство в русской культурной традиции, как и во многих других, антропоцентрично: человек находится в центре мира и оценивает другие явления действительности относительно самого себя [СД, т. 4, с. 304]. Так, становится особенно значимым признак положения тела в пространстве. Семантика отвращения связывается с локусами негативными, враждебными человеку.

Пространственные категории осмысляются в двух направлениях: в горизонтальной и вертикальной плоскости. На этой оси координат помещаются субъект и объект ощущения в соответствии с аксиологической разметкой пространства, существующей в языке и культуре.

Сначала рассмотрим номинации пространственных положений, расположенных на горизонтальной оси.

Активно формируются номинации на базе семантики положения против чего-либо: литер. *противный*, диал. (р. Урал) *про́тив* ‘не нравится, противен’ [СРНГ, т. 32, с. 268], смол. *супро́тивно* ‘противно, неприятно’ [СРНГ, т. 42, с. 263], яросл. *сопро́тивный* ‘противный, неприятный’ [Там же, с. 6—7].

Значение противоположности наделено в русской культуре отрицательными коннотациями. В основе семантизации оценки этого типа пространства лежит оппозиция «свой — чужой» [СД, т. 4, с. 304]. Положение напротив воспринимается как чужое пространство.

В то же время то, что находится напротив, осознается как нечто «встречное», находящееся на пути, следовательно, противодействующее, враждебное. Пространственная природа лексем видна даже на уровне синтаксического построения предложений со словами данной группы, например, р. Урал *про́тив* ‘не нравится, противен’ (*Лешка нашей Олечке про́тив*) [СРНГ, т. 32, с. 268]. В связи с соображением о враждебности локуса «напротив» отметим влад. лексему *проти́вница* ‘противная девочка, женщина’ [Там же, с. 269], которая, кажется, реализует и тот мотивационный импульс, который заложен в общенар. *противник* ‘враг, соперник’.

Определенную роль мог также сыграть признак отличия объекта восприятия от субъекта чувствования. Объект может обладать некими противоположными, не свойственными субъекту признаками, следовательно, вызывающими неприятные эмоции.

Наконец, приведем рассуждения Л. П. Дроновой, которая предполагает для прилагательного *противный* семантическую модель ‘делать наоборот’ → ‘вредить, пакостить’ → ‘сделанное наоборот, вредное’ [Дронова, 2007, с. 236].

Поскольку в поле нашего внимания экспрессивная семантика, то, как кажется, можно говорить о комплексе негативных культурных коннотаций, связанных с положением напротив, которые обуславливают возникновение значения отвращения и отвратительного у рассмотренных лексем и фразеологизмов.

В эту же группу мы относим лексемы, обозначающие перемещение *напротив*: смол., твер., пск., твер., кубан., волог. *запроти́веть* ‘сделаться противным, опротиветь’ [СРНГ, т. 10, с. 360], арх. *отпроти́веть* ‘надоесть, опротиветь’, арх. *отпроти́веть от чего-либо* ‘отвратить, оттолкнуть’ [СРНГ, т. 24, с. 279—280], пск. *попроти́веть* ‘опротиветь’ [СРНГ, т. 30, с. 9]. Глагольные формы маркируют представление об изменении пространственных координат при перемене эмоционального отношения. Если при симпатии, приятии объекты находятся близко друг к другу, ср., например, перм. *к душе́ кто-, что-либо* ‘кто-, что-либо приятен, нравится кому-либо’ [СРНГ, т. 12, с. 277], то при возникновении антипатии происходит отдаление.

Следующий локус, связывающийся народным сознанием с отвращением, неприятием, — это положение *поперек*. Этот признак также переосмысливается до обозначения негативной эмоциональной оценки: петрозав. *прийти́ во прет* ‘не понравиться, вызвать неприятные чувства’ [СРНГ, т. 31, с. 234], пск., твер. *попрёт* ‘отвращение’ [СРНГ, т. 29, с. 341], влад., твер., яросл., волог., вят. *попрети́ть* ‘о чувстве отвращения к чему-л.’ [Там же, с. 341—342], яросл. *прётко, прётно* ‘брезгливо’ [СРНГ, т. 31, с. 97], твер. *попрётчивый* ‘вызывающий отвращение’ [СРНГ, т. 29, с. 342], смол. *спрет* ‘неприятный, гадкий человек’ [СРНГ, т. 40, с. 262]. Значение отвращения, по-видимому, развивалось следующим образом: ‘иметь поперечное положение’ → ‘препятствовать’ → ‘вызывать отвращение, быть противным’. То, что вызывает отвращение, не соответствует личным предпочтениям субъекта эмоции, является прямо противоположным по отношению к ним.

В целом необходимо отметить, что положение поперек в русском культурном пространстве также наделяется отрицательными коннотациями.

Многие продолжения прасл. **per-*, не относящиеся к данному полю, обладают семантикой противодействия, препятствия по отношению к субъекту номинации, ср. *перечить*, *наперекор*, *претить* и т. д.

Отдельно остановимся на уже упоминавшемся олон. фразеологизме *позади́ глаз* ‘неприятно, тяжело смотреть на кого-л.’ [СРНГ, т. 28, с. 306—307], который маркирует еще один пространственный образ, связывающийся с чувством отвращения. Как отмечает Е. И. Якушкина, рассматривая продолжения корня *-нак-*, сочетающего в своей семантике признак кривизны и вывернутого, обратного положения, положение позади также обладает отрицательными культурными коннотациями [Якушкина, 2003, с. 52, 70].

Семантика отвращения регулярно мотивируется значением движения, перемещения тела в пространстве. В этой группе преобладают значения, связанные с отстранением или удалением субъекта от объекта восприятия.

Самым частотным является мотив поворота от чего-л. Движение может быть инициировано субъектом восприятия, который стремится прервать контакт, в особенности зрительный, с тем, что вызывает неприятные ощущения: литер. *отвраще́ние* ‘сильное чувство неприязни, соединенной с безгласностью; гадливость, омерзение’ [ССРЛЯ, т. 8, с. 1300], без указ. места *отворо́т* ‘отвращение, нелюбовь, антипатия (?)’ [СРНГ, т. 24, с. 147], нижегор. *до отворо́ту* ‘до отвращения (наестся, накормить и т. п.)’ [БСРП, с. 469], пск. *отворотя́сь не наглядё́ться* ‘о ком-л., о чём-л., отвратительном, неприглядном’ [Там же]. С другой стороны, действие может мыслиться как безличное, в таком случае субъект восприятия претерпевает воздействие извне: пск., твер. *перевороты́ло* ‘опротивело’ [СРНГ, т. 26, с. 58], смол. *разворáчивать* ‘о чувстве неприязни, отвращения к кому-, чему-л.’ (*Разворачивает его от жены*) [СРНГ, т. 33, с. 296].

Продуктивностью при своей лексической реализации обладает мотив отстранения от объекта восприятия. В данной группе преобладают экспрессивные пространственные глаголы: арх. *отде́рнуть* безл. ‘возбудить чувство отвращения; отвратить’ [СРНГ, т. 24, с. 165], арх. *отки́дывать* ‘отвратить от чего-либо, вызвать отвращение к чему-либо’ (*С малолетства откинуло, так молока и не пью*) [Там же, с. 201—202]. Так, для описания возбуждения отвращения используются лексемы со значением движения высокой интенсивности, что свидетельствует о большой силе возникающей эмоции. Данные факты можно сопоставить с пск., твер. *отва́дно* ‘неприятно(?), непривычно(?)’ (*Отвадно ходить к нему*) [Там же, с. 126], которое мотивировано более нейтральным глаголом *отводи́ть*. В языковом

сознании неприятие осознается, по-видимому, как более слабое ощущение по сравнению с отвращением.

Для мотива отстранения от чего-либо значим иной тип восприятия, чем для мотива поворота. Глаголы, относящиеся к этой группе, косвенно указывают на то, что с вызывающими отвращение предметами и объектами действительности хочется прервать контакт тактильный. Семантический перенос, эксплицированный в выше представленных языковых единицах, несет в себе идею отделения от объекта неприятия. Эту мысль особенно подтверждает литер. *неприятный*, а также диал. пск. *бесприятно* ‘неприятно’: *Если писано бесприятно — вороти письмо обратно* [СРНГ, т. 2, с. 275]. Их специфику составляет отнесенность к сенсорному восприятию семантики корня **ęti*, **jьtr* (диал. олон. *ять* ‘брать’, новг., смол. *нять* ‘взять’ [ЭССЯ, вып. 6, с. 71]).

Вертикальная ось представлена в рамках изучаемой семантической области гораздо меньшим количеством фактов.

Мотив движения по направлению вниз реализуется в *назникать* арх., свердл., олон. ‘пренебрегать кем-, чем-либо; презирать кого-либо; брезговать’ [СРНГ, т. 19, с. 285], ср.-урал. ‘пренебрегать, брезговать’ [СРГСУ, т. 2, с. 167]. Очевидно, *назникать* — префиксальное образование от прасл. **nikati*, гл. на *-ati* с корнем *nik-* ‘низ’. Довольно широкий спектр разнообразных значений дериватов определяется присоединением соответствующих префиксов [ЭССЯ, вып. 25, с. 114—115]. Появление формы *назникать* обусловлено диерезой, устранением скопления согласных: *назникать* < *навзникать*. Во внутренней форме рассматриваемых слов заложено представление об особом отношении к пренебрегаемым людям: в продолжениях корня **nik-* эксплицируется идея унижения, умаления человека, к которому проявляется невнимание, презрение или брезгливость (ср. литер. *унизить* ‘оскорбить чье-л. достоинство’).

Учитывая высокую экспрессивность рассматриваемых глаголов, можно отметить, что близким для вышеприведенных значений является арх. *навзникать* ‘выбрасывать изо рта слюну, плевать’ [СРНГ, т. 19, с. 164]. Ср. выражения, в которых реализуется метафорический перенос с обозначения физического действия на наименование эмоционального отношения: ‘выбрасывать изо рта слюну’ → ‘проявить безразличное или презрительное отношение’ (онеж. *назникать* ‘наплевать, начихать’ (*Не пьешь, так и назникать!*; *Назникать на ее!*) [Там же, с. 285]). Однако отметим, что ареалы изучаемых лексем не полностью, а лишь частично накладываются друг на друга, поэтому приоритетной кажется представленная выше версия о символической роли локуса *внизу* при формировании семантики отвращения.

Отдельного комментария заслуживает чуваш., казан. *навзды́м* *не любить* ‘испытывать крайнее отвращение к кому-, чему-либо’ [Там же, с. 164]. Прояснения мотивационных отношений требует слово *навзды́м*, ср. пенз. *навзды́м* ‘кверху, вверх’ [Там же], твер., пск., олон., новг., свердл. *взды́м* ‘подъем’ [СРНГ, т. 4, с. 262], твер., волог., олон., перм., арх., ленингр., новг., пск., самар. *взды́нуть, вздыну́ть* ‘поднять, приподнять’ [Там же], диал. шир. распр. *здыма́ть* ‘поднимать, приподнимать’ [СРНГ, т. 11, с. 239]. Вероятнее всего, в данном случае наречие со значением направления метафорически используется в функции наречия меры и степени, приобретая значение ‘очень’. Экспрессивность выражаемого значения объясняет возможность подобного переноса. Ср. литер. наречие *крайне*, образованное также путем переноса от значения места к семантике степени.

Однако отметим, что отвращение к кому-либо в народном сознании тесно связано с высокомерием субъекта эмоции. Л. И. Ермоленкина пишет о том, что «метафоры с актуализированным признаком изменения частей тела в пространстве функционируют как этические оценки поведения человека... устанавливая эталон нормы расположения в системе координат относительно вертикальной и горизонтальной осей» [Ермоленкина, 2007, с. 312]. Тогда семантику наречия *навзды́м* можно связывать с манерой поведения человека, испытывающего отвращение: он, превознося себя над окружающими, ходит с высоко поднятой головой, ср. перм., ср.-урал. *вздыморы́лить* ‘заноситься, задаваться, важничать’ [СРНГ, т. 4, с. 262], перм., урал. *здыморы́л* ‘человек с большим сомнением, гордец, зазнайка’ [СРНГ, т. 11, с. 239]¹, а также простореч. *задирать голову, задирать нос*.

В рамках исследуемого материала признаки положения и перемещения составляют единый смысловой пласт. При этом отношения между языковыми фактами могут быть различными.

Мотив движения по направлению от объекта неприятия, прерывания контакта с ним реализуется в общенар. *отвращение*, нижегор. *до отворóту* ‘до отвращения (наесться, накормить и т. п.)’ [БСПП, с. 469], пск., твер. *переворотíло* ‘опротивело’ [СРНГ, т. 26, с. 58], смол. *разворáчивать* ‘о чувстве неприязни, отвращения к кому-, чему-л.’ [СРНГ, т. 33, с. 296]. Признак положения сзади субъекта ощущения заложен в олон. *позади́ глаз* ‘неприятно, тяжело смотреть на кого-л.’ [СРНГ, т. 28, с. 306—307]. На уровне сценария данные языковые факты вписываются в один ряд: маркируется действие и фактический результат.

1 Термин Е. Л. Березович; семантико-мотивационные параллели понимаются как ряды языковых фактов, которые показывают аналогичные модели смыслового развития слов, «в рамках которых воспроизводится как собственно переход значения, так и его мотивация» [Березович, 2014, с. 13].

Другой тип отношений видим в перм. *К душе́ кто-, что-либо* ‘кто-, что-либо приятен, нравится кому-либо’: *Не ем я редьку-ту, пошто-то не к душе́ мне она* [СРНГ, т. 12, с. 277]. Предлог *к* в данном случае, как кажется, обладает сложной семантикой. С одной стороны, можно говорить о том, что в его значении присутствует динамическая составляющая. Предлог указывает на предмет, в сторону которого направлено действие. С другой стороны, можно предполагать и то, что он маркирует непосредственную близость, как, например, в литер. *плечо к плечу*. Более точная спецификация семантики предлога в данном случае едва ли возможна, поскольку эмоциональная реакция существует и в динамическом аспекте, то есть в момент возникновения, и в статическом, когда отношение к чему-либо уже сформировано. Сложная структура эмоционального мира человека отражается в семантике соответствующих языковых единиц.

4. Некоторые выводы и наблюдения

Завершая обзор мотивационных моделей, лежащих в основе русской диалектной и общенародной лексики и фразеологии со значением чувства отвращения, неприятия, а именно в основе номинаций, построенных с участием пространственных образов, обобщим полученные результаты.

По данным языка, чаще всего чувство отвращения сосредоточивается в *душе* и *сердце*, при этом в рамках данной семантической области они, с одной стороны, выступают как центры духовной и эмоциональной жизни человека, а с другой, сближаются в наивном языковом сознании с пищеварительными органами. Таким образом, мы видим сложную природу исследуемых ощущений, тесно совмещающую в себе психологический и физиологический компоненты.

Концептуализация в пространственных координатах понятия о чувстве отвращения в общем виде реализует модель удаления, отстранения субъекта ощущения от его объекта. Отвращение побуждает прервать контакт любым способом: отвернуться, отстраниться, пройти мимо, удалить из «своей» зоны и так далее.

Символическая роль пространственных образов при формировании семантики отвращения также оказывается велика. При этом функции пространственных координат различаются в зависимости от того, на какой оси они находятся. Горизонтальная плоскость представлена локусами «напротив», «поперек», «наоборот» и «позади». Все они в символическом виде представляют расположение субъекта и объекта прототипической ситуации, маркируя их принципиальную несовместимость, чуждость, непохожесть. Вертикальная ось представлена позициями «верх» и «низ».

Они в рамках данного семантического пространства представляют взаимную оценку участников прототипической ситуации. Объект отвращения, по данным языка, находится *внизу*. Этот локус символически связывается с отсутствием у человека положительных качеств, его низким статусом. Напротив, положение *вверху* фиксирует обилие достоинств, превосходство над кем- или чем-либо.

Источники и принятые сокращения

1. БСРП — *Мокиенко В. М.* Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2008. — 784 с.
2. СД — *Славянские древности* : этнолингвистический словарь в 5 томах / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1995—2012.
3. СРГСУ — *Словарь русских говоров Среднего Урала* : в 7 томах / под ред. А. К. Матвеева. — Свердловск : Среднеуральское книжное издательство ; Издательство УрГУ, 1964—1987.
4. СРНГ — *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. — Москва ; Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1965—. — Вып. 1—.
5. ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 томах / под ред. А. А. Шахматова. — Москва ; Ленинград : Наука, 1948—1965.
6. ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков* : праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. — Москва : Наука, 1974—. — Вып. 1—.

Литература

1. *Балашова Л. В.* Русская метафорическая система в развитии : XI—XXI вв. / Л. В. Балашова. — Москва : Языки славянской культуры ; Рукописные памятники Древней Руси ; Знак, 2014. — 632 с.
2. *Березович Е. Л.* Душа и сердце как органы «шестого чувства» (на материале русского языка) / Е. Л. Березович // *Antropologiczno-jezykowe wizerunki duszy w perspektywie międzykulturowej*. Т. 1: Dusza w oczach świata. — Warszawa : Instytut slawistyki Polskiej Akademii Nauk, 2016. — S. 179—194.
3. *Березович Е. Л.* «Нутро» в психических и социальных характеристиках человека (на материале отсоматической лексики русского языка) / Е. Л. Березович, Г. И. Кабакова // *Антропоцентризм в языке и культуре*. — Москва : Индрик, 2017. — С. 227—263.
4. *Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне : семантико-мотивационная реконструкция / Е. Л. Березович. — Москва : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. — 488 с.
5. *Березович Е. Л.* Славянские соматизмы «кожа» и «шкура» и их вторичные значения / Е. Л. Березович, И. А. Седакова // *Известия РАН. Сер. лит-ры и языка*. — 2012. — Т. 71. — № 6. — С. 12—24.

6. Булыгина Т. В. Перемещение в пространстве как метафора эмоций / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Языки пространств. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 277—288.
7. Дронова Л. П. Образы пространства : далекий и близкий / Л. П. Дронова // Картины русского мира : пространственные модели в языке и тексте. — Томск : UFO-Plus, 2007. — С. 226—242.
8. Ермакова О. П. Пространственные метафоры в русском языке / О. П. Ермакова // Логический анализ языка. Языки пространств. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 289—298.
9. Ермоленкина Л. И. Пространственные метафорические модели этико-эстетической оценки / Л. И. Ермоленкина // Картины русского мира : пространственные модели в языке и тексте. — Томск : UFO-Plus, 2007. — С. 296—325.
10. Зализняк А. А. Русская семантика в типологической перспективе / А. А. Зализняк. — Москва : Языки русской культуры, 2013. — 640 с.
11. Кабакова Г. И. Душа зверей и вещей : материальные значения души / Г. И. Кабакова // Antropologiczno-jezykowe wizerunki duszy w perspektywie międzykulturowej. T. 1 : Dusza w oczach świata. — Warszawa : Instytut slawistyki Polskiej Akademii Nauk, 2016. — S. 515—528.
12. Кабакова Г. И. Русские традиции застолья и гостеприимства / Г. И. Кабакова. — Москва : Неолит ; Форум, 2015. — 480 с.
13. Кондратьева О. Н. Динамика метафорических моделей в русской лингвокультуре (XI—XX вв.) : автореферат диссертации ... доктора филологических наук / О. Н. Кондратьева. — Кемерово, 2014. — 46 с.
14. Ушинскене В. Народная анатомическая терминология в русском языке. Словообразовательная и семантическая реконструкция наименований брюшных органов / В. Ушинскене. — Вильнюс : Издательство Вильнюсского университета, 2012. — 162 с.
15. Якушкина Е. И. Сербохорватская этическая лексика в этнолингвистическом освещении : диссертация ... кандидата филологических наук / Е. И. Якушкина. — Москва, 2003. — 175 с.

Spatial Images in Nominations of Feelings of Disgust and Rejection (on Material of Russian Dialect Lexis)¹

© Malkova Yana Vladimirovna (2018), orcid.org/0000-0003-3511-0878, laboratory worker and researcher, Toponymical Laboratory of Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia), yana-malkova@list.ru.

1 The study is prepared within the project 34.2316.2017/ПЧ “Volga-Dvina interfluvium and Belozerye region: history and culture of the regions according to linguistic data,” supported by Ministry of education and science of the Russian Federation.

The results of the analysis of motivational models underlying Russian dialect and national vocabulary and phraseology with the meaning of disgust and rejection are presented. Those lexical units are selected that are based on spatial images. In the course of the research the semantic-motivational reconstruction of lexemes and phraseological units and ethno-linguistic interpretation of the obtained results are carried out. The author shows that the feeling of disgust and rejection, according to the language, occurs and proceeds in certain organs of the human body. Most often, the place of concentration of the studied states are *the heart* and *soul*, which in naive anatomy are closer to the digestive organs. Participants in the prototypical situation of rejection also fit into the spatial coordinates. Conceptualization of conceptual meanings takes place taking into account the axiological marking of space existing in culture. The main motives are the idea of moving away from the object of rejection (a native speaker exploits the meanings of 'turn away', 'move away', 'pass by') and the idea of interrupting any kind of contact with it (visual, tactile). It is argued that the symbolic spatial images carry the idea of conflict, dissimilarity of the subject and the object of feelings. The author pays attention to the interpretation of language data from the point of view of ideas about social relations in traditional society. The reconstruction of the prototypical situation of disgust and rejection is carried out.

Key words: Russian dialect vocabulary; motiology; Russian language picture of the world; vocabulary of emotions; folk axiology; spatial code.

Material resources

- BSRP — Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2008). *Bolshoy slovar' russkikh pogovorok*. Moskva: OLMA Media Grupp. (In Russ.).
- ESSYa — Trubachev, O. N., Zhuravlev, A. F. (eds.). (1974—2012). *Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskiy leksicheskiy fond*. Moskva: Nauka. 1—38. (In Russ.).
- SD — Tolstoy, N. I. (1995—2012). *Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar'*. Moskva: Mezhdunarodnyye otnosheniya. 1—5. (In Russ.).
- SRGSU — Matveyev, A. K. (ed.). (1964—1987). *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala*. Sverdlovsk: Sredneural'skoye knizhnoye izdatel'stvo; Izdatel'stvo UrGU. 1—7. (In Russ.).
- SRNG — Filin, F. P., Sorokoletov, F. P., Myznikov, S. A. (1965—1012). (eds.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov*. Moskva; Leningrad; Sankt-Peterburg: Nauka. 1—45. (In Russ.).
- SSRLYa — Shakhmatov, A. A. (ed.). (1948—1965). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. Moskva; Leningrad: Nauka. 1—17. (In Russ.).

References

- Balashova, L. V. (2014). *Russkaya metaforicheskaya sistema v razvitii: XI—XXI*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury; Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi; Znak. (In Russ.).
- Berezovich, E. L., Kabakova, G. I. (2017). «Nutro» v psikhicheskikh i sotsialnykh kharakteristikakh cheloveka (na materiale otsomaticheskoy leksiki russkogo yazyka). In: *Antropotsentrizm v yazyke i kulture*. Moskva: Indrik. 227—263. (In Russ.).

- Berezovich, E. L., Sedakova, I. A. (2012). Slavyanskiye somatizmy «kozha» i «shkura» i ikh vtorichnye znacheniya. *Izvestiya RAN. Ser. lit-ry i yazyka*, 71 (6): 12—24. (In Russ.).
- Berezovich, E. L. (2014). *Russkaya leksika na obshcheshlavyanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya*. Moskva: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke. (In Russ.).
- Berezovich, E. L. (2016). Dusha i serdtse kak organy «shestogo chuvstva» (na materiale russkogo yazyka). In: *Antropologiczno-jezykowe wizerunki duszy w perspektywie międzykulturowej. Dusza w oczach świata*. Warszawa: Instytut slawistyki Polskiej Akademii Nauk. (In Russ.).
- Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. (2000). Peremeshcheniye v prostranstve kak metafora emotsiy. In: *Logicheskyy analiz yazyka. Yazyki prostranstv*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. 277—288. (In Russ.).
- Dronova, L. P. (2007). Obrazy prostranstva: dalekiy i blizkiy. In: *Kartiny russkogo mira: prostranstvennyye modeli v yazyke i tekste*. Tomsk: UFO-Plus. 226—242. (In Russ.).
- Ermakova, O. P. (2000). Prostranstvennyye metafory v russkom yazyke. In: *Logicheskyy analiz yazyka. Yazyki prostranstv*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. 289—298. (In Russ.).
- Ermolenkina, L. I. (2007). Prostranstvennyye metaforicheskiye modeli etiko-esteticheskoy otsenki. In: *Kartiny russkogo mira: prostranstvennyye modeli v yazyke i tekste*. Tomsk: UFO-Plus. 296—325. (In Russ.).
- Kabakova, G. I. (2015). *Russkiye traditsii zastolya i gostepriimstva*. Moskva: Neolit; Forum. (In Russ.).
- Kabakova, G. I. (2016). Dusha zverey i veshchey: materialnyye znacheniya dushi. In: *Antropologiczno-jezykowe wizerunki duszy w perspektywie międzykulturowej. Dusza w oczach świata*. Warszawa: Instytut slawistyki Polskiej Akademii Nauk. 515—528. (In Russ.).
- Kondratyeva, O. N. (2014). *Dinamika metaforicheskikh modeley v russkoy lingvokulture (XI—XX vv.): avtoreferat dissertatsii... doktora filologicheskikh nauk*. Kemerovo. (In Russ.).
- Ushinskene, V. (2012). *Narodnaya anatomicheskaya terminologiya v russkom yazyke. Slovoobrazovatel'naya i semanticheskaya rekonstruktsiya naimenovaniy bryushnykh organov*. Vilnyus: Izdatelstvo Vilnyusskogo universiteta. (In Russ.).
- Yakushkina, E. I. (2003). *Serbokhorvatskaya eticheskaya leksika v etnolingvisticheskom osveshchenii: dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A. (2013). *Russkaya semantika v tipologicheskoy perspektive*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).